0 июля 1971

г. Москва

Газета № . . .

БИЙСКИЙ драматический театр уехал на гастроли в Славгород. Пришлось догонять. Тем временем наступила суббота, все учреждения оказались закрыты. Найдя в гостинице директора театра, я поделилась:

— Хотела представиться властям, а забыла, что сегодня суббота.

— Что? — как глухой, переспросил директор. — Не понял. Слова «суббота», «выходной», «отгул» так же, как и нормальные человеческие понятия «плохо себя чувствую», «врач не советовал», на время гастролей изъяты из обращения. Их нет.

Может быть, такое начало настроит читателя на ожидание героической саги о трудовом горении коллектива. А на самом деле я приехала по письму этого самого коллектива разбираться в склоке. И все же, прежде чем обратиться к ее разветвленному сюжету — противное это занятие, доложу вам! — подумаем о высоком. В том числе и о трудовом горении.

В условиях маленького, много гастроллирующего театра один и тот же актер, в лучшем случае актрису, живет два-три месяца в году в обшарпанной гостинице (причем норовит притащить сюда же ребенка, поскольку скучает), где нет горячей воды, где рано-рано утром топлют сапогами и разогревают моторы стоящих под окном машин (а с выездного спектакля актриса вернулась в два часа ночи), где строго-настрого запрещается готовить (а в столовой питаться целые месяцы — зарплаты не хватает и язву приобретешь), каждый вечер эта актриса несколько часов трясется в скрипучем автобусе по пути в такое место, откуда эта гостиница кажется символом городской, «светской» жизни, приезжает в клуб с плохой акустикой и крошечной сценой, гримируется и переодевается в первой попавшейся комнате вместе с партнерами — мужчинами... И вот этот самый человек наконец выходит на сцену, чтобы объяснить людям, как смотрел на могущество любви Кальдерон и что о поспранном достоинстве думал Достоевский. И не просто «шпарит текст», а вдыхает в бессмертные слова жар души — в меру сил своих, конечно, в меру таланта. И тут можно, можно говорить о горении, о творчестве, о преодолении низкого ради высокого.

И вовсе не идеализирую я при этом актерскую среду. Два ночи всего переночевала я в Славгороде, а за это время: 1) напился рабочий сцены, 2) опоздал на выезд актер, потому что прирабатывает, фотографируя население. Да что там! В спектакле «С любовью не шутят» роль дон Диего (эпизод) срочно стал играть лично главный режиссер, так как исполнителя уволили, не вытерпев даже до конца сезона. Сейчас, чтобы скопить деньги для осенней поездки на актерскую «биржу», он подрядился... ловить сусликов. Пишет: платят хорошо, капканы выдали. «Дон Диего ловит сусликов» — какой заголовок для фельетона пропадает...

Но перейдем, однако, к истории, из-за которой я побывала в Бийске, Барнауле и Славгороде и о которой пора уже поведать читателю.

ЧТОБЫ не размазывать, скажем кратко: в коллективе появился «человек, который пишет».

Начала она писать после того, как случился конфликт: на гастролях ей было предъявлено обвинение в аморальном поступке. Подробности не будут. Потому что ни разу ни в одном из своих писем Надежда Леонидовна Гангалло не упомянула об этом. Ни разу. Есте-

ственно, что и никто из проверяющих не затрагивал этого частного случая — в официальной версии он не фигурировал. Зато в устных беседах — а я вела их во множестве — все, абсолютно все, независимо от отношения к сути, указывали именно эту «точку отсчета».

Вот здесь и зарождается первая даусмысленность. Скажи Гангалло сразу, что ее обидели, что считает себя оскорбленной, — господи, давно бы разобрались, то ли помирили, то ли выговор бы дали кому следует — и дело с концом.

Но нет! Совсем в другой тональности звучат ее обвинения. «Проработала в Бийске год. Количественно

ры бежали от «жизни на колесах», дисциплина была не на должном уровне. Пусть все это останется позади! Сейчас на театр возлагаются надежды. Давайте больше работать над собой. Новое здание, новая режиссура, много молодых актеров, всем вам вместе жить, играть на одной сцене...

Но сразу после сообщения тов. Уткина слова взяла Гангалло. Она открыла ученическую тетрадку и двадцать семь минут, не взирая на десятиминутный регламент, на крики, вопли и даже рыдания (было, было!) присутствующих, читала свою речь: кто когда попал в вытрезвитель, кто с кем заперлся в

тиях, в порыве возмущения проголосовавший за это предложение, не учел, что его решение никакой юридической силы не имело.

Вопрос зашел в тупик. Он там и до сих пор. С одной стороны, Гангалло гневно пишет: «Все факты, которые я приводила, подтвердились, а меры не приняты... А с другой — «заведенные» месткомовцы кричат: «Она разводит склоки — весь театр «трясут», а мнение целого коллектива ничего не значит?» — это внизу, на месте. А вверх? В краевых организациях говорят до сих пор задумчиво: «Во многом она была права»...

— В чем? — пытаюсь уточнить.

— Ну, когда говорит: репертуар надо улучшать, это всегда правильно. И дисциплину укреплять разве не надо?

— Но коллектив считает, что она демагог, а ее устами и правильные вещи возмущают.

— А коллектив должен бы встать выше Гангалло. Работать надо, а не возмущаться...

В ФЕВРАЛЕ Гангалло подрались со своей бывшей задушевной подругой, вмешалась милиция. Местком воспрянул. Но слишком недавно начался их юридический ликбез, они опять остались «как оплеваные» — это их выражение. Ибо Гангалло к тому времени подала жалобу на подругу в прокуратуру, и началось следствие. До конца следствия заседания месткома посоветовали отложить.

По поводу драки Надежда Леонидовна сказала мне, потупясь:

— Лиду (подругу) настроили. Ничего между мной и ее приятелем не было.

А когда я намекнула на неприемлемость методов, легко согласилась:

— Мне самой стыдно! Две актрисы... Да еще в маленьком городе.

Этот же эпизод в ее же изложении я читала в крайкомке партии днем раньше:

«Даулижость Андропова и Уткина развязала руки карьеристу Шалагину. Под его руководством против меня провоцируется конфликт. Меня избивают (буквально физически), и я с сотрясанием головного мозга попадаю в больницу. Вот результат моего письма в Москву».

Ну что тут скажешь?

Сейчас, к обоюдному удовольствию, коллектив и Гангалло решили разойтись. То есть лично Надежда Леонидовна решила — подала заявление. Уроки? Для Гангалло — боюсь, что никаких. Может быть, когда-нибудь она и поймет, чем склока отличается от критики. А может, и никогда не поймет. Разве вы не видели таких, которые «всю жизнь боролись»?

А вот коллектив мог бы научиться многому. Он мог бы ощутить свою силу, а вместо этого много раз понимал свое бессилие. И дело не только и не столько в юридической беспомощности. Не потому он оказался слабее одной Гангалло.

Главная сила коллектива — так всегда было, есть, будет — в его целеустремленности, работоспособности, взыскательности к себе и к другим, в моральном здоровье. В таком климате и склока не заведется. А заведется — моментально скиснет. Заявнет. Бийскому театру еще предстоит выработать такой нравственный кодекс, такой жизненный стиль. Иначе повторятся изматывающие всех скандалы. Иначе творчество погрозится и погибнет. И зритель этого не простит. Ведь далеких, глухих углов у нас нет, а Бийск — растущий промышленный город.

Г. УЖОВА,
спец. корр.
«Советской культуры».

Алтайский край.

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ШИШЕТ

ролей была довольна. Квартиру получила. Казалось бы, чего еще желать? А желать есть чего — творческой удовлетворенности! А ее-то в театре в продолжение всего сезона 1969/70 года и не было. Попросту говоря, юбилейный репертуар в драмтеатре был сорван. (Ничего себе «попросту!» — Авт.). И это не случайно. Работа идеологического отдела горкома КПСС, отдела культуры горисполкома создала для этого благоприятную почву.

Вот так! Мотив личной обиды «не пройдет», легко хотите отделаться, уважаемые. «Мой долг — драться, чтобы не было гнили в нашей жизни. Мне хочется, пока я полна энергии, творческих замыслов, принести народу, партии пользу».

Путь к светлой цели, по мнению Надежды Леонидовны, преграждали два режиссера, главный и очередной, директор Шалагин и парторг Лоськов.

Надежду Леонидовну позвали в горком партии и сказали:

— Вы же знаете, режиссеры уволены, уже приехали новые. Лоськову коммунисты выразили недоверие.

— А Шалагин? — спросила Надежда Леонидовна. И секретарь горкома М. понял, на ком теперь сосредоточится огонь батарей.

— Шалагина мы будем поддерживать, — сказал он. — Из него может вырасти хороший директор.

И вот в следующих письмах возникли «трусость» и словоблудие секретаря М...».

КРАЙКОМ партии поручил горкому организовать комиссию и всесторонне обследовать жизнь театра.

Доложить итоги работы комиссии общему собранию театра должен был товарищ Уткин М.М., заведующий отделом пропаганды и агитации.

Итак, грянуло собрание. Все до сих пор помнят его дату: 2 декабря 1970 года. Какой выдалась руководству цель собрания? Товарищи Уткин и Андронов — зав. горотделом культуры — хотели задать такой тон: прошедшие годы были тяжелыми для театра, особенно четыре последних. Здание реконструировалось, без своего помещения труппа ослабевала и распадалась, акте-

номере гостиницы, кто кого агитировал не выбирать еще кого-то третьего в местком — все было в этой беспощадной тетради.

Мне рассказывала Галя Медведева, молодая актриса, к тому времени всего три месяца проработавшая в Бийске:

— Чувство, которое я испытывала во время собрания, — ужас. Темный, беспросветный, от которого хочется сжаться в комок, зажмуриться, заткнуть уши. До чего это было мерзко! Не хотелось думать, правда ли все это, и если правда, то на сколько процентов. Хотелось немедленно бежать из театра, где возможна такая злоба, такая ненависть.

Собрание пошло наперекосяк. Какие там планы на новый сезон! Какой там Достоевский и Кальдерон! Ведь до сих пор письма ходили только в пересказах и догадках, а тут автор лично, в открытую говорит: «Я писала то-то и то-то... А в ответ на возмущение зала: «Можете делать, что хотите, я перед вами на колени не встану!».

Что же ответил на обвинения коллектива? Листаю одновременно тогдашнюю стенограмму и записи своих, уже теперешних бесед.

Коллектив заявил: к подлинным фактам в изложении Н. Л. Гангалло обильно подмешаны домыслы, сплетни, слухи и прямая клевета. Но даже те ошибки, которые люди действительно совершали, собраны и поднесены в письмах вовсе не с намерением что-то оздоровить и исправить, а с целью выглядеть единственно принципиальной и единственно творческой личностью, что находится в редком противоречии с реальным обликом Н. Л. Гангалло.

Но это я так «парламентским» формулирую.

На собрании все это выкрикивалось, хлопотало, пока и не выплеснулось в предложение: «За плохое морально-этическое поведение, за склоки, за сплетни, за высокомерное отношение к своим товарищам и противопоставление себя коллективу, за дезорганизацию творческой жизни арт. Гангалло Н. Л. уволить из театра и послать в отдел кадров управления театров Министерства культуры РСФСР соответствующую характеристику». Но коллек-